

Е. К. Созина

**«АРХИЕРЕЙ» ИЕРОМОНАХА ТИХОНА (Т. П. АНДРИЕВСКОГО):
ОТ НОВОГО РЕЛИГИОЗНОГО СОЗНАНИЯ
К СОВРЕМЕННОЙ ДУХОВНОЙ ПРОЗЕ**

doi: 10.30759/1728-9718-2025-1(86)-6-15

УДК 82(47) ББК 83.3(2)

Повесть «Архиерей», написанная, как считается, о. Тихоном Андриевским вскоре после 1904 г., сегодня весьма популярна, о чем свидетельствует ее издательская история. Произведение создавалось в обстановке острой полемики в русском обществе рубежа XIX–XX вв. вокруг вопросов обновления христианства и православной церкви, и многие идеи и проблемы, поставленные не столько богословами, сколько представителями русской интеллигенции, оказались введены в текст книги. Они высказываются героями повести и тут же реализуются в сюжете — в «домостроительстве» о. Герасима и его паствы, в образе жизни о. Павла, в том влиянии, которое оказывает проповедническое слово Владыки (архиерея) на прихожан. Для современного читателя интерес представляет не только книга, но и личность самого автора, его жизненный путь, восстановленный историком Ю. М. Сухаревым и во многом проясняющий идейное пространство повести. Т. П. Андриевский, в прошлом протоиерей, вскоре после 1917 г. стал «антирелигиозником», служил в советских учреждениях. Но, судя по его письмам, он был личностью крайне противоречивой и мятущейся. В статье делается попытка очертить круг идеологем, используемых автором книги, в их связи с идеями русской литературы и общественной мысли того времени, а также понять причины сегодняшней популярности произведения.

Ключевые слова: *Т. П. Андриевский, «новое религиозное сознание» начала XX века, реформирование церкви, обновление христианства, грех, телесность, вера*

Автор одной из книг о духовном сословии и его месте в культуре дореволюционной России отмечает обстоятельство, нечасто привлекавшее внимание прежних исследователей. Л. Манчестер говорит о том, что российское духовенство, бывшее самым замкнутым сословием в стране, претендовало тем не менее «на духовное руководство обществом».¹ «Клирики — а еще в большей степени их сыновья — не просто воспринимали себя как неотъемлемую часть общественных “верхов”, но начали со временем претендовать на роль единственно законных духовных вождей общества».² История жизни практически неизвестного сегодня автора, в прошлом священника, создавшего в начале XX в. почти бестселлер, пользующийся немалой популярностью и в наши дни, не только интересна сама по себе, но и может служить подтверждением приведенного суждения исследовательницы, а его книга — свидетельством

постоянной актуальности и неистребимости определенных запросов человечества.

Автор повести «Архиерей» на обложке современных изданий именуется «иеромонахом Тихоном», иногда в сопровождении фамилии Барсуков. Однако ее действительный автор, протоиерей Тихон Петрович Андриевский, никогда не был монахом. Факт его авторства доказал исследователь-краевед Юрий Михайлович Сухарев, он же восстановил ход жизни и деятельности Андриевского.³ Аргументация его представляется вполне убедительной, она подкреплена другими источниками,⁴ поэтому мы

¹ Манчестер Л. Поповичи в миру. Духовенство, интеллигенция и становление современного самосознания в России. М., 2015. С. 11.

² Там же. С. 64.

³ См.: Сухарев Ю. М. Генезис вероотступничества. К биографии Тихона Петровича Андриевского (1873–1935) // Православие на Урале: связь времен: материалы VII межрегиональной научно-практической конференции. Екатеринбург, 2018. С. 204–218; см. также этот материал на сайте автора: Сайт Юрия Сухарева. URL: <https://sukharev-y.ru/sukharev-yu-m-genezis-verootstupnichest/#more-6353> (дата обращения: 21.06.2024); Он же. Законоучитель маршала. (к биографии Т. П. Андриевского) // Сайт Юрия Сухарева. URL: <https://sukharev-y.ru/sukharev-yu-m-zakonouchitel-marshala-k-bi/#more-4117> (дата обращения: 21.06.2024).

⁴ Полное библиографическое описание повести: Андриевский Тихон Петрович (псевд. О. Тихон; ?–1925). Архиерей: повесть / О. Тихон. Казань, 1906. См.: Русские писатели — авторы книг (худлит): 1800–1917: В. П. Андриевская — С. И. Аничкова (Таубе) // LiveJournal. 2021. 18 октября. URL: <https://doxie-do.livejournal.com/419663.html> (дата обращения: 21.06.2024). В воспоминаниях бывшего учащегося Пермской духовной семинарии В. А. Игнатова авторство Т. П. Андриевского представлено как безусловный факт: «К этому времени [приезду в Пермь из Казани — ред.] им была уже написана повесть «Архиерей», в которой он изобразил своего героя в желанном

исходим из предпосылки, что «Архиерей» был написан о Тихоне Андриевском.

Сам путь Андриевского, его жизненные метания отражают пути многих людей начала XX в., оказавшихся на переломе истории. Но биография Андриевского не совсем типична для лиц духовного звания, и о ней нужно сказать хотя бы кратко: без ее знания невозможно полностью понять произведение.⁵

Т. П. Андриевский родился в 1873 г. в с. Алагир Терской области Северокавказского края в семье священника. Окончил Тифлисскую духовную семинарию, идя вторым по списку выпускников первого разряда,⁶ затем Казанскую духовную академию, из которой выпустился в 1900 г. кандидатом богословия. Служил в Северной Осетии, в 1903 г. принял священный сан, в 1905 г. на некоторое время оставил службу и «жил на литературный заработок в Казани»,⁷ когда, по всей видимости, и написал свою книгу. В 1906–1912 гг. стал преподавателем греческого языка в Пермской духовной семинарии, хотя преподавал также «психологию, логику, краткую историю и начальные основания философии, всеобщую церковную историю и историю Русской Церкви, основное, догматическое и нравственное богословие».⁸ Об этом периоде его деятельности оставил воспоминания В. А. Игнатъев, в 1902–1909 гг. обучавшийся в семинарии. Он пишет, что в восприятии семинаристов Тихон Петрович, рассказывавший им о различных экспериментах над своей природой, представал как «человек какого-то особенного душевного склада, человек с мятежным умом типа Ивана Карамазова»⁹

для него виде человека простого, доступного, с демократическими манерами обращения» (Игнатъев В. А. Воспоминания о Пермской духовной семинарии начала XX века. Ч. 1. Пермь, 2017. С. 172). Критическое изложение жизненного пути Андриевского и содержания его книги см.: Волянская К. Как расстрига и антирелигиозник стал «классиком духовной прозы» // Ахилла. 2020. 5 июня. URL: <https://ahilla.ru/kak-rasstriga-i-antireligioznik-stal-klassikom-duhovnoj-prozy/> (дата обращения: 21.06.2024).

⁵ Говоря о биографии Андриевского, мы опираемся на детальное исследование Ю. М. Сухарева, в случае необходимости дополняя изложение своими выводами и ссылками.

⁶ Список выпускников Тифлисской семинарии см.: Смелчук Л. De omnibus dubitandum 110. 92 // Портал Проза.ру. URL: <https://proza.ru/2022/09/17/1377> (дата обращения: 21.06.2024).

⁷ Цитируется автобиография Т. П. Андриевского, написанная им самим в 1933 г. в письме дочери Галине. Копия автобиографии и некоторые письма Андриевского детям были любезно предоставлены мне Ю. М. Сухаревым, в свою очередь, получившим их от его внука Г. М. Андриевского и в опоре на эти документы воссоздавшим жизнь нашего героя.

⁸ Из автобиографии Андриевского. См. также: Сухарев Ю. М. Генезис вероотступничества. К биографии Тихона Петровича Андриевского (1873–1935). С. 205.

⁹ Игнатъев В. А. Воспоминания о Пермской духовной семинарии начала XX века. Ч. 1. С. 164.

(о Достоевском семинаристы знали из занятий с другим учителем, А. П. Миролубовым).

Воспоминания Игнатъева раскрывают характер мировоззрения Андриевского: в те годы, по словам бывшего семинариста, их учитель был ярким противником революции. В семинарии им был организован кружок, имевший «явно сакральный уклон, т. к. в нем помимо проповедничества главным образом культивировалась обрядовая сторона религии: богослужения (всенощное бдение), частые молебны с акафистами, общие покаяния и другие формы религиозного ритуала. <...> Т. П. сам так определял задачи этого кружка: “теперь”, т. е. в период реакции, говорил он: “Больше можно сделать кадилом, чем каким-либо другим способом”. Это и было девизом кружка. Это образное выражение Т. П. имело тот простой смысл, что нужно отвлечь народ от революционной вспышки, втянуть его в выполнение религиозных обрядов, в выполнение различных видов религиозного ритуала».¹⁰ На окраине Перми он «организовал население на строительство часовни, вернее молитвенного дома», с группой семинаристов «посещал дома жителей общины, разбирал семейные неурядицы, мирил, бичевал пьяниц и прочих грешников».¹¹ Эти факты важны, поскольку подобные действия героя-священника описаны в повести «Архиерей». Вероятно, текст повести можно рассматривать как своего рода программу будущей деятельности самого отца Тихона, а возможно, он уже был причастен к попыткам такого рода еще во время службы в Осетии. Важно, что, по воспоминаниям Игнатъева, Т. П. Андриевский «был искренним в своем религиозном порыве: он искренне боролся за веру, когда кругом все бурлило и колебало церковные устои».¹²

В целом, заключает Игнатъев, Андриевский «по натуре был ищущим человеком и в нем, в его душевном складе, потенциально уживались и протопоп Аввакум, и Иван Карамазов. Все зависело от того, на кого из них толкнет его направление жизни. Пока он находился в состоянии торможения под влиянием академии — в нем господствовал протопоп Аввакум, но жизнь разбудила в нем Ивана Карамазова, и он совершил *salto mortale*. И в том, и в другом случае он поступал в соответствии со своей натурой, так сказать, “не кривил душой”, поступал честно, бескорыстно, убежденно. Это была трагедия

¹⁰ Там же. С. 165.

¹¹ Там же. С. 166.

¹² Там же. С. 168.

его души».¹³ Бывший ученик пытался если не оправдать, то по крайней мере объяснить поступки своего учителя: «Его осуждали за “измену”, но судить и осуждать нужно было не личность только Т. П., то, что называется persona, а и обстановку, которая породила личность такого типа».¹⁴

С 1912 по 1917 гг. он служил законоучителем в гимназии г. Камышлова. Об этом периоде его жизни вспоминал в своих дневниковых мемуарах будущий красноармеец полка Красных Орлов и затем советский военачальник, маршал Ф. И. Голиков. В гимназии о. Тихон организовал литературно-философский кружок. «В кружке прочитали и разобрали некоторые произведения Достоевского, Белинского, Льва Толстого, Михайловского. Добрались даже до Гегеля. Касались и биологических тем — читали Мечникова и Спенсера. Все это сначала подорвало, а потом и совсем разрушило мою веру в бога»,¹⁵ — пишет Голиков.

После Февральской революции Андриевский сначала поступает в сельхозкоммуну, затем, объявив себя «независимым священником», служит «в одной из церквей Камышлова, предоставленной ему местным исполкомом».¹⁶ В конце 1919 — начале 1920 г. окончательно порвал с Церковью, в 1925–1930 гг. работал «антирелигиозником» в Свердловске, Кунгуре, Шадринске. С 5 июня 1930 г., оставив службу по состоянию здоровья, жил в Кунгуре. «Имущественное положение, — отмечал Андриевский, — земляной дом и огород, больше ничего нет».¹⁷ В 1934 г., спасаясь от голода и нищеты, он уехал на Северный Кавказ, где и умер в 1935 г. в районной больнице Беслана от порока сердца.¹⁸

Проследив историю его «духовного перерождения», Ю. М. Сухарев пришел к выводу, что в нем сыграли свою роль «пролетарская среда обитания» в с. Алагир, где родился Андриевский (там был серебряно-цинковый завод), обстановка в Тифлисской семинарии, где он учился почти в одно время с Иосифом Джугашвили, затем — в Казанской академии (упомянем известный факт, что во время студенческой де-

монстрации в Казани о. Тихон был отправлен парламентаром от революционеров к правительственным войскам в защиту студентов).

Достаточно откровенно Андриевский высказал свою позицию в докладе, произнесенном на собрании благочиннического округа, проходившем в Каменском заводе, по-видимому, осенью 1917 г. — его содержание передал о. Николай Буткин в своем автобиографическом романе «Виноградари», выведя Андриевского под именем о. Стефана Тихановского, а себя — под именем о. Григория. Основная мысль выступления Андриевского состояла в том, что сама религия и Церковь сегодня переживают кризис, свидетельством которого является печальное положение духовенства. По мысли докладчика, причина этого — в отрыве церкви от жизни, от науки и культуры, в устарелости ее догм, ибо одна и та же «проповедь о личном спасении, награде на небесах» уже не устраивает людей, им нужно нечто иное, более жизненное. В дальнейшей переписке отца Николая и (тогда еще) отца Тихона (у Буткина — о. Григория и о. Стефана) позиция последнего еще более проясняется. Он упрекает своего «собрата» за пренебрежение к социальным учениям, к общественной жизни, вообще к реальности, к так называемой правде жизни, в том числе народной, где есть лишь «беспросветный мрак, труд и грехи с отчаянья»,¹⁹ рисует картину ужасающей жизни современной деревни (в духе обличительного дискурса русской реалистической литературы). Церковь, равнодушная к положению народа, по его мнению, заслуживает того, чтобы от нее отречься. Таким образом, Андриевский стремится развернуть церковь и религию лицом к жизни со всеми ее противоречиями, раскрыть потенциал христианства как социального учения. «Его путь, — справедливо отмечает Ю. М. Сухарев, — нечто среднее между социальным христианством и христианским социализмом»,²⁰ сам же Андриевский называл это «жизненным христианством». Позиция его оппонента о. Николая Буткина традиционна: он противопоставляет религию жизни, полагая, что христианство, противостоя «буйству жизни», «открывает перед нами особый, надмирный путь жизни»,²¹ церковь должна стоять вне политики и вне

¹³ Игнатьев В. А. Указ. соч. С. 171.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Голиков Ф. И. Красные орлы (из дневников 1918–1920 гг.). // Флибуста. Книжное братство. URL: <http://forum.orbita96.ru/index.php/topic/1539-kniga-golikova-fi-krasnye-orly/>; <https://flibusta.club/b/296947/read> (дата обращения: 21.06.2024).

¹⁶ Согласно автобиографии самого Андриевского, использованной в качестве источника Ю. М. Сухаревым.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Соответствующие документы, а также строки из писем дочерей Андриевского о поздних годах жизни отца приводит в своих статьях Ю. М. Сухарев.

¹⁹ Буткин Н., протоиерей. Роман «Виноградари. Ч. 2: Обреченные» (Окончание) // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2017. № 1. С. 327.

²⁰ Сухарев Ю. М. Генезис вероотступничества. К биографии Тихона Петровича Андриевского (1873–1935). С. 209.

²¹ Буткин Н., протоиерей. Указ. соч. С. 326.

быта, погружение в который и есть грех современного духовенства.

Важно отметить, что Андриевский в своих письмах не отрекается от христианства — судя по ним, он переживает тяжелейший кризис, состояние выбора между социализмом и церковью, которая в его представлении опорочила себя слишком многим («Неужели Церковь, где недавно хозяйничал Распутин, есть Христова Церковь?»²²). Последние строки его письма, приводимые о. Николаем, исполнены боли и трагического предвидения: «Я предвижу роковые искушения умов в народе и если крестьяне русские отступят от веры, вина падет на нас духовенство и на Церковь. Меня страшит эта ответственность». Но он же признает правоту о. Николая, его духовную стойкость: «Счастливы Вы, что имеете дело живое и умеете делать его. Светите хоть Вы за нас».²³

На путь социального христианства Андриевский встал, как мы знаем из его биографии, едва ли не с начала своего церковного служения, но и этот путь вряд ли утолил его душевные страдания и помог разрешить внутренние противоречия. Свою программу, представленную в повести «Архиерей», по-видимому, он пытался исполнить, когда служил в семинарии в Перми, хотя до конца сделать этого не смог, что не могло не повлиять на последующий радикальный поворот всей его жизни.²⁴

Повесть «Архиерей» своим заглавием перекликается с рассказом А. П. Чехова «Архиерей», опубликованным в 1902 г. («Журнал для всех», № 4) и, скорее всего, известным Андриевскому. Возможно, он написал свою повесть в пику Чехову; во всяком случае, его герой, архиерей, представляет собой совсем иную личность.

Завязкой сюжета является эпатирующая сцена на пароходе: «Отец Павел сидел на па-

лубе парохода и пил...»²⁵ Усовещает отца Павла другой батюшка, оказавшийся его попутчиком и проявивший сочувствие к его горю, поскольку о. Павел за венчание молодой пары без документов был осужден консисторией на покаяние в монастыре, но рассердился и, бросив свой приход, отправился в другую епархию искать себе место. Затем оказывается, что пароходным спутником о. Павла был новый архиерей, едущий к месту своей службы. Из следующей главы мы узнаем печальную историю другого священника, о. Герасима, служившего в самом бедном окраинном приходе города, практически разуверившегося в смысле церковного служения и из последних сил помогающего бедноте, преимущественно ночлежникам, из которых и состоит его приход. Мы знакомимся с кругом городской интеллигенции, обсуждающей актуальные вопросы времени — положение церкви и религии, значение христианской догматики, а заодно — достоинства нового «архипастыря». Новый архиерей буквально переворачивает всю привычную жизнь в городе, и не только духовенства, но и городских обывателей, а главное, городской бедноты. Он увлекает наиболее готовых к изменениям батюшек своей программой деятельного христианства и тем самым указывает путь выхода из кризиса, в котором пребывают они все, как и (по мнению автора повести) русская Церковь в целом.

Автор учитывает и использует опыт русской литературы прошедшего XIX в. Произведение идеологически нагружено, те истины, в которых убежден автор и которые он передоверил архиерею, не открываются сразу — им предшествует напряженная полемика персонажей, причем в беседе священнослужителей и городских интеллигентов складывается некое подобие диалогического конфликта: есть правоверный о. Григорий, отстаивающий традиционное православие, есть рационалист и скептик доктор, есть мечущийся студент, которому важно немедленно «мысль разрешить» (по выражению Достоевского), есть высокомерный профессор академии, застывший в своей учености и переставший слышать голоса жизни. Основным вопросом, поднятым на вечернем идеологическом поединке, является вопрос о сущности христианства и его жизненном значении для людей.

Истины христианства постоянно ставятся в повести под сомнение, даже самый преданный

²² Там же. С. 327.

²³ Там же. С. 329.

²⁴ О каких-либо других художественных произведениях о. Тихона нам неизвестно, хотя в личном архиве семьи хранится несколько его стихотворений, выполненных в псевдонимном (пролетарском) стиле. Одно из них — «Рассказ крестьянина — участника Германской войны и Октябрьской революции» (протитировано в статьях Ю. М. Сухарева) содержит такие строки: «И грянул вихрь... Мир затрепал. / Свалился крест. Упали троны. / И новый гимн мир услышал: / «Вставай, проклятым заклеименный...»» (из архива семьи Андриевских). Однако о том, что конфликт с верой отцов переживался Андриевским достаточно болезненно, свидетельствует другое стихотворение — «На кладбище однажды видел я отца...» (по первой строке). Отталкиваясь от сцены прощания отца с рано умершим сыном, автор ставит проблему непонимания, чуждости отца и сына друг другу.

²⁵ Иеромонах Тихон. Архиерей. М., 2016. С. 3. При дальнейшем цитировании данного издания именование автора иеромонахом опускаем и пишем [Андриевский Т. П.].

церкви батюшка о. Григорий высказывает ставшую всеобщей мысль об упадке веры, но формулирует ее так, что архиерей получает возможность оспорить эту максиму. «В обществе кризис религиозного самосознания. И нужно быть наивным, чтобы не видеть, какая опасность грозит религии. <...> И теперь уже религия сильно падает в народе»,²⁶ — взволнованно говорит о. Григорий. Архиерей же шутливо отвечает: «И пусть падает, пусть падает...»²⁷ Сознание о. Григория потрясено, но Владыка поясняет различие между религией и верой, между официальным и глубоко личным принятием Бога, что он и называет «православной верой».

Состояние духовного кризиса, переживаемого героями повести, симптоматично. Напомним, что ситуация начала XX в., когда создавалась повесть о. Тихона, действительно была кризисной для русского общества и русской церкви. Выход из кризиса российская интеллигенция искала на путях создания новой идеологии, получившей название «новое религиозное сознание» или «неохристианство». Первоначальной организационной формой этого движения стали религиозно-философские собрания 1901–1903 гг., которые, как писал Г. Флоровский, явились «новой встречей интеллигенции с церковью», «преодолением шестидесятих годов» и знаменовали «возврат к вере».²⁸ Особенно актуальным был вопрос, «как сделать христианство вновь влиятельным в жизни». «Для всего христианства наступает пора не только словом в учении, но и делом показать, что в Церкви заключается не один лишь загробный идеал», — цитирует Флоровский доклад В. А. Тернавцева на одном из собраний.²⁹ Нетрудно увидеть совпадение этих идей, выраженных в самой общей форме, с мыслями героев повести Т. Андриевского. Совпадение не случайно. Доклады и статьи участников религиозно-философских собраний, а потом и религиозно-философского общества им. Вл. Соловьева широко публиковались в печати, образованные священники могли их читать — и читали. Так, в частности, в статьях о. Николая Буткина, служившего в 1910-е гг. в Шадринске и активно публиковавшегося в «Екатеринбургских Епархиальных ведомос-

тях», обнаруживается масса ссылок на работы Н. Бердяева и Д. Мережковского, П. Флоренского, С. Булгакова, даже В. Розанова. Вряд ли по начитанности ему уступал Т. Андриевский.

Интеллигенция призывала к реформированию церкви, в особенности ее властных структур: к децентрализации и демократизации управления, упразднению Синода и созыву Собора. О назревшей необходимости церковных реформ говорили и «сверху». Санкт-Петербургский митрополит Антоний надеялся ослабить «мертвящее веяние сухого бюрократизма» в России «пробуждением общественной самодеятельности»,³⁰ на «необходимости нового сближения Церкви и духовенства с обществом, с народом церковным»³¹ настаивали зачастую сами преосвященные. Все эти брожения и поиски получили разнообразное отражение в культуре рубежа веков и начала нового XX столетия, но большею частью — не со стороны духовенства. В русской литературе на протяжении всего XIX и, тем более, XX в. (за исключением последних десятилетий) господствовала традиция критического изображения духовного сословия, исключения весьма немногочисленны. Тем более интересен своего рода ответ на кризисную ситуацию начала века, на размышления, претензии и воззвания интеллигенции со стороны священника, живущего в провинции и пытающегося дать программу действий для людей своего круга, этой повестью отвечающего на извечные вопросы русского ума — что делать и как нам жить.

Основными идеями нового религиозного сознания, ярче всего пропагандируемыми Д. Мережковским, Н. Бердяев считал «освящение плоти» и идею создания «религиозной общности». Вопрос о плоти был, пожалуй, наиболее дискуссионной и сложной проблемой нового религиозного сознания, поскольку выходил за его пределы. Реабилитация («освящение») плоти и тела означала для русских философов ренессанса начала XX в. снятие традиционной дилеммы плоти и духа, их соединение и, следовательно, признание святости плоти. Идеи чистоты и непреложной святости плоти, как мы знаем, активно защищал В. Розанов. На этом основании Мережковский противопоставлял новую религию неохристианства историческому христианству, считавшему плоть нечистым, злым, грешным началом.

²⁶ [Андриевский Т. П.]. Архиерей. С. 153.

²⁷ Там же. С. 154.

²⁸ Флоровский Г., протоиерей. Пути русского богословия. Вильнюс, 1991. С. 470.

²⁹ Там же. С. 471.

³⁰ Там же. С. 477.

³¹ Там же. С. 478.

«Умерщвление» плоти в историческом христианстве, полагал он, «возобладало над воскресением», в то время как главная цель учения Христа — именно воскресение «во плоти», Христос утверждал высшее единение Духа и Плоти, их равноценность и равносвятость.³² Комментируя и продолжая Мережковского, Бердяев дополнял: «“Плоть”», о которой говорит Мережковский, есть символическое понятие, она олицетворяет собой и землю вообще, и всю культуру и общественность (“тело” человечества), и всякую чувственность, и половую любовь».³³ Все это должно быть оправдано и признано не менее важным (святым), нежели сугубо духовные интересы человечества.

Восхождение земного к небесному, о котором пророчествовал Мережковский, то есть преобразование «земли» и «плоти», означало для носителей нового религиозного сознания конец истории и конец мира, совпадая с тем, что описано в Откровении св. Иоанна, поэтому свою новую религию они называли также религией Третьего Завета, апокалиптическим христианством. Бердяев писал: «Будет “земля” преобразенная, не скованная материальными законами, освобожденная, вневременная и внепространственная; будет “плоть” преобразенная, не физическая, но полнокровная, чувственная, мистически-сладострастная и вечная, от всяких материальных граней освобожденная. Метафизикой может быть оправдано это мистическое предчувствие, но только в религии тайна эта постигается».³⁴ Путь, ведущий к достижению столь великих целей, — изменение не только человеческой природы (на чем особенно настаивал Бердяев), но и самой Церкви, ее движения и развития. Религия и церковь должны встать на путь «великого общественно-политического действия».³⁵

Повесть Т. Андриевского с идеями нового религиозного сознания перекликается не только в плане изображения исходной точки или позиции героев, связанных с религией и церковью, — ситуации кризиса в обществе и в отдельной человеческой жизни, о чем свидетельствуют все герои своими чувствами и поступками. Студент, призывающий к ответу

профессора семинарии и крайне неудовлетворенный его схоластикой, жаждет доказательства, что борьба со смертью и воскресение, о которых говорится в Евангелии, — не слова, а сама жизнь, не верит в возможность воскресения, хотя страстно хотел бы поверить. «Чего хочет новое религиозное сознание, какое последнее его желание, чем отличается от старого сознания? — писал Бердяев. — Последнее наше желание, влекущее нас к религии — жажда вечности и полноты бытия, окончательной победы над смертью и узостью жизни. Каждое человеческое существо кончит смертью и все человечество кончит смертью и вся жизнь наша наполнена частичной смертью, — вот этого ужаса окончательного небытия мы не можем, не хотим и не должны вынести».³⁶

В дальнейшем разворачивании сюжета повести Владыка словно отвечает на спор, казалось бы, не имеющий разрешения, ибо каждый из спорящих упорно отстаивает свою позицию, не признавая иных. Но ответ архиерея будет дан не этим спорщикам, а несчастному отцу Герасиму. Владыка начинает осмотр городских церквей с самой бедной и неказистой, где как раз и служит о. Герасим. В ходе ночной беседы выясняются причины глубочайших страданий священника: его неустанные попытки помочь обездоленным не привели к успеху, и о. Герасим почти утратил веру от постоянных столкновений с «ужасами жизни», с той бездной зла и горя, в которую он оказался погружен, пребывая в состоянии полного одиночества и отчаяния. «Вы будете доказывать мне бытие Бога, утешать надеждами на будущее, на будущую жизнь, сулить мне рай... О, прокляты будут те, кто может наслаждаться раем под вой и стоны несчастных страдальцев на земле, под скрежет зубов безумных грешников в аду. Пусть блаженствует, кто может. Я не могу. Я не хочу такого рая...»³⁷

Вопль истерзанной души героя Т. Андриевского напоминает, прежде всего, исповедь Ивана Карамазова в романе Достоевского, поставившего почти в тех же словах проблему Теодицеи, но можно вспомнить и В. Г. Белинского, по итогам чтения Гегеля отвергнувшего его философию со словами «Прочь же от меня блаженство, если оно достояние мне одному из тысяч! Не хочу я его, если оно у меня не общее с меньшими братьями моими!»,³⁸ и Льва

³² Мережковский Д. С. Л. Толстой и Достоевский. Вечные спутники. М., 1995. С. 147, 148.

³³ Бердяев Н. О новом религиозном сознании // Вопросы жизни. 1905. Сентябрь. URL: [https://ru.wikisource.org/wiki/О_новом_религиозном_сознании_\(Бердяев\)](https://ru.wikisource.org/wiki/О_новом_религиозном_сознании_(Бердяев)) (дата обращения: 21.06.2024).

³⁴ Там же.

³⁵ Мережковский Д. С. Теперь или никогда // Больная Россия: избранное. Л., 1991. С. 72.

³⁶ Бердяев Н. Указ. соч.

³⁷ [Андриевский Т. П.]. Архиерей. С. 83.

³⁸ Из письма В. П. Боткину от 8.09.1841 // Белинский В. Г. Полное собрание сочинений: в 13 т. М., 1956. Т. 12. С. 69.

Шестова, в те годы, когда писалась повесть о. Тихона, размышлявшего о «плате» за страдания обещанием будущего рая. Очевидно, это также один из вечных вопросов человечества, переводящий религиозную тему в плоскость социальную.

Беседа архиерея с о. Герасимом — идейная и эмоциональная кульминация повести. Владыка не поучает несчастного батюшку, он излагает свое представление о человеческой жизни и существовании человека. Неожиданно и необычно звучат его слова: «Человек смердит. <...> Человек живет в атмосфере “язвы”. <...> Болеет, гниет, разлагается, тлеет и смердит не одно человечество. Тому же подвержены и звери, птицы, и насекомые. “Вся тварь, — по слову апостола Павла, — стонет и мучается”». ³⁹ Далее герой книги о. Тихона делает обзор всей истории человечества, как она представлена в Библии, и дополняет ее своими антропологическими наблюдениями. Лишь христианство «победило таившийся где-то корень того, что мы с вами называем “язвой”, и теперь уничтожает ее в людях и в мире», лишь с христианством «человечество в лице христиан повернуло и пошло по восходящей», ⁴⁰ благодаря чему увеличилась средняя продолжительность жизни людей. Программу на саморазрушение, заданную природой, Христос и христиане преобразовали в программу трансформации и самовосстановления тела. Далее Владыка предлагает о. Герасиму программу действий, направленную на оздоровление его прихода, состоящего главным образом из ночлежников, бродяг и нищих. Надо сплотить их в единую общину, дать им посильный труд — строить дома для себя же на земле, которую чуть позже архиерей откупит у города, а главное — увлечь их верой и исполнением христианских таинств, которые, безусловно, благотворно действуют на человека и тем самым, так сказать, материально, телесно подтверждают и укрепляют веру. «Тайна Евхаристии непостижима... Под воздействием этого таинства в человеке увеличиваются его

жизненные силы. Это самое действительное динамогенное средство, выражаясь языком медицины». ⁴¹

Таким образом, в речи архиерея, героя повести Андриевского, христианские догматы представлены в очень конкретном, понятном простым людям виде, символический язык христианского вероучения переведен на язык физический или натуралистический, само христианство увидено как образ жизни, реально спасающий человека от смерти и дарующий ему здоровье. Любой «ветхий» человек может преобразиться в человека «нового» и воскликнуть: «Смерть, где жало твое?» Эксперимент ставится на самых презренных представителях человеческого рода, и о. Герасиму с помощью о. Павла удастся увлечь ночлежников благой идеей архиерея: они временно переселяются на архиерейскую дачу и начинают строительство своего нового поселка.

В речах архиерея и его последователей очевидны следы не только нового религиозного сознания, в идеологии которого активно циркулировали послания евангельского апостола Павла (их неоднократно цитирует Мережковский в книге о Толстом и Достоевском), но и натуралистических концепций, популярных в рубежной России. Герой повести о. Павел, когда-то приехавший в город вместе с архиереем и воспринявший его идеи, уверен: «От обветшалых людей родится слабое поколение, а от последнего и совсем никуда не годное... <...> ...главный смысл нашего служения: мы должны обновлять ветшающее человечество». ⁴² Но натуралистическая лексика облекает не идею биологического натурализма, а христианскую аксиому о свободе воли. Вырождение Владыка стремится изменить на возрождение. Он обличает всю современную жизнь, называя ее адом: «Ад — это наша нынешняя жизнь с ее невозможными лишениями, мучениями, страданиями... это общественная жизнь, в которой задыхаются люди; это наша семейная жизнь, с которой только отчасти приподнял завесу Л. Н. Толстой в своей “Крейцеровой сонате”. <...> Ад — это неимение куска насущного хлеба... голод телесный и духовный. <...> От этого-то “ада”, в котором сидят уже все одинаково — и верующие, и неверующие в него, — от этого именно ада и спасает людей христианство». ⁴³ Каждому человеку дается возможность стать человеком здо-

³⁹ [Андриевский Т. П.]. Архиерей. С. 88. Ср. у Бердяева: «Наша плоть, плоть нашего мира испорчена, дефектна, ненормальна; не потому, что плоть греховна в своей сущности, является началом злым и должна быть умерщвлена, а потому, что она умирает, тлеет, болеет и страдает, она не вечная и не свободная и должна преобразиться, воскреснуть. Из этого нужно исходить при обсуждении старого и вечно нового вопроса об аскетизме. Не в плоти проклятие человечества, его древняя испорченность, а в смерти, не в свободной жизни его греховность, а в рабской скованности и ограниченности» (Бердяев Н. Указ. соч.).

⁴⁰ [Андриевский Т. П.]. Архиерей. С. 118.

⁴¹ Там же. С. 130.

⁴² Там же. С. 187, 188.

⁴³ Там же. С. 213, 214.

ровым и счастливым, законы природы можно и нужно поставить на службу спасению, — как сумел владыка помочь Ереме с Прасковьей родить наконец долгожданного ребенка.

Сам архиерей представляет собой тип нового человека. Он не молод, но совершенно здоров, потрясаяще вынослив, находится в постоянном движении, предпочитает любым словам действия, хотя не отказывается и от слов, когда они способны дать пищу людям. Еще в начале своего служения на новом месте он складывает все бумаги, требующие решения и подписи, в дальний угол, ломает механизм церковной бюрократии. Свое жалование он отдает на строительство нового поселка. Придя на миссионерские беседы и произнеся страстную обличительную речь, призвав всех присутствующих «взяться за совместную работу, за великое дело возрождения и обновления людей», архиерей закрывает беседы как «развивающие страсть пустого словопрения».⁴⁴ Герой Андриевского въяве воплощает позицию и программу «жизненно-христианства», пропагандируемую автором книги, а эта позиция, как справедливо отмечал Ю. М. Сухарев, соотносилась в ту пору с идеями Л. Н. Толстого. Однако Толстой в те годы отрицал христианские таинства, сама Церковь была для него воплощением лжи, обмана, насилия. Т. Андриевский, напротив, пытался через тщательное исполнение таинств вернуть Церкви потерянный ею смысл и значение для жизни людей, видя их в возможности преображения самого человека и его жизни верой и социальным действием. Разочарование в Церкви и, вероятно, в христианстве постигнет его позже, однако было ли это разочарованием в вере?.. Ответа у нас нет.

Переключки и сопоставления, рождающиеся при чтении повести, разнообразны. Так, деятельность архиерея и его единомышленников, особенно о. Герасима, наводят на сопоставление с социализмом, и это тоже не случайно: Христа не раз называли первым социалистом, социалистические ячейки подчас сравнивали с общинами первохристиан. Андриевский не допускает этого смешения, но, разуверившись в способности Церкви помочь обездоленным, он, по-видимому, и пришел к социализму. «Я предвижу этот провал Церкви и ищу контакта с народным движением. Значит ли это, что я продаю Христа? Неужели болеть душой за бедных и обездоленных хуже, чем, мысля православно, проходить

мимо несчастных?»⁴⁵ — писал он о. Николаю. Парадоксально звучит ответ Н. Буткина, также размышлявшего о роли социализма в современной им жизни. «Но я верю, — пишет о. Николай, — социалисты, сами не желая того, помогут Церкви вернуть себе былые дни чистоты и привлекательности».⁴⁶ В ходе истории сбылся прогноз Андриевского, не Буткина.

Повесть Андриевского впитала в себя несколько жанровых традиций. Из трущобного романа, достигшего пика своей популярности в конце XIX в., автор делает повесть-утопию, в которой показано, как вместе с изменением человеческого существа меняется и форма человеческого общежития: новая антропология неразрывно связана с новым общественным бытом, что наблюдалось, например, в романе Н. Г. Чернышевского «Что делать?». Идеи, проговоренные Владыкой, немедленно воплощаются в сюжете, сразу дается положительный результат их совместных с о. Герасимом и другими священниками усилий. Из нищих ночлежников, а не из интеллигенции архиерей растит «новую религиозную общественность». Натуралистически-модернистский дискурс автор преобразовывает в христиански ориентированный нарратив романа (повести) воспитания, но воспитания не отдельной личности, а целой людской общности. Утопия, однако, завершается вполне реалистически. Финальная сцена рисует итог благородной деятельности архиерея. Он получает сообщение о доносе, отправленном в Синод, где «подробно описывались в извращенном виде все поступки владыки».⁴⁷ Владыка не смиряется: «...борьба должна вестись постоянно, — размышляет он. — <...> Истинная Христова Церковь должна вечно будить людей. <...> И горе той земле, в которой замолкли их вечно протестующие голоса!»⁴⁸

В книге о современной духовной прозе Н. В. Пращерук говорит о тенденции «демасификации», особенно ярко проявляющейся именно на данном литературном поле.⁴⁹ Вероятно, повесть Андриевского может служить примером этого процесса, о котором ее автор не мог и подозревать. Андриевский удачно использовал «рамку» классического романа XIX в. и вложил в нее актуальное содержание своей эпохи — периода жизни и деятельности

⁴⁵ Буткин Н., протоиерей. Указ. соч. С. 327.

⁴⁶ Там же. С. 329.

⁴⁷ [Андриевский Т. П.]. Архиерей. С. 221.

⁴⁸ Там же. С. 223.

⁴⁹ См.: Пращерук Н. В. Современная духовная проза: традиции, смыслы, поэтика. Екатеринбург, 2018. С. 6, 7.

⁴⁴ Там же. С. 217.

творцов нового религиозного сознания. В то же время он предложил собственную версию «неохристианства» как учения, способного обрести жизненное, социально-практическое значение, причем на почве традиционной обрядовой стороны религии (исповедь, разумные посты, святая вода, ежедневные причастия): тем самым мистическое, необъяснимое и непознаваемое в обряде как бы ставилось на службу исправлению рода людского, предполагалось преобразование живущих во грехе, а более всего — в несчастье — людей, овец «стада Христова». Поскольку, по воспоминаниям пермского семинариста, о. Тихон сам ставил опыты на себе и своем теле, то немудрено, что в повести он спроецировал их на некое сообщество, создал утопический проект победы человека над «язвой» плоти, а значит, над самой смертью, что составляло нерв исканий «нового» христианства. Христианство способно не только спасать

людей от смерти и других «язв» плоти, но и решать социальные проблемы: так нищие ночлежники, живущие несправедливой жизнью, становятся в повести строителями своего собственного светлого будущего.

Все эти обстоятельства, думаю, во многом определяют популярность произведения Т. П. Андриевского в современном мире, где кризису религиозного сознания сопутствует возрождение традиционных основ православия. Становится возможен парадокс, о котором сказала критик К. Волянская: «Есть некая ирония судьбы в том, что роман священника, ставшего расстригой и более того — активным идеологом атеизма, издается ныне православными издательствами в качестве классики духовной прозы».⁵⁰ Парадоксов такого рода не счесть в нашей литературе и жизни, история Т. П. Андриевского здесь и показательна, и поучительна.

Elena K. Sozina

Doctor of Philological Sciences, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the RAS (Russia, Ekaterinburg)

E-mail: elenasozina1@rambler.ru

“THE BISHOP” BY HIEROMONK TIKHON (T. P. ANDRIEVSKY): FROM NEW RELIGIOUS CONSCIOUSNESS TO MODERN SPIRITUAL PROSE

The novella “The Bishop”, believed to have been written by priest Tikhon Andrievsky shortly after 1904, is very popular today, as evidenced by its publishing history. The work was created in an atmosphere of intense controversy in Russian society at the turn of the 19th–20th centuries around the issues of renewal of Christianity and the Orthodox Church, and many ideas and problems posed not so much by theologians as by representatives of the Russian intelligentsia were introduced into the text of the book. They are expressed by the characters of the story and immediately realized in the plot — in the “house building” of Fr. Gerasim and his flock, in the lifestyle of Fr. Paul, in the influence that the preaching word of the Bishop has on the parish. For a modern reader, not only the book is of interest, but also the personality of the author himself, his life path, restored by the historian Yu. M. Sukharev and in many ways clarifying the ideological space of the novella. T. P. Andrievsky, a former archpriest, soon after 1917 became an “anti-religionist” and worked in Soviet institutions. However, judging by his letters, he was a contradictory and restless person. The article makes an attempt to outline the range of ideologies used by the author of the book in their connection with the ideas of Russian literature and social thought of that time, as well as to understand the reasons for the current popularity of the work.

Keywords: T. P. Andrievsky, “new religious consciousness” of the early 20th century, church reform, renewal of Christianity, sin, corporeality, faith

REFERENCES

- Florovskiy G., prot. *Puti russkogo bogosloviya* [Paths of Russian Theology]. Vilnius: Litovskaya Pravoslavnaya Eparkhiya Publ., 1991. (in Russ.).
- Manchester L. *Popovich i v miru. Dukhovenstvo, intelligentsiya i stanovleniye sovremennogo samosoznaniya v Rossii* [Holy Fathers, Secular Sons. Clergy, Intelligentsia, and the Modern Self in Revolutionary Russia]. Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye Publ., 2015. (in Russ.).

⁵⁰ Волянская К. Указ. соч.

Prashcheruk N. V. *Sovremennaya dukhovnaya proza: traditsii, smysly, poetika: uchebnoe posobiye* [Modern Spiritual Prose: Traditions, Meanings, Poetics: A Textbook]. Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta Publ., 2018. (in Russ.).

Smel'chuk L. De Omnibus Dubitandum 110. 92. *Proza.ru* [Proza.ru]. Available at: <https://proza.ru/2022/09/17/1377> (accessed: 21.06.2024). (in Russ.).

Sukharev Iu. M. [The Genesis of Apostasy. Toward a Biography of Tikhon Petrovich Andrievsky (1873–1935)]. *Pravoslaviye na Urale: svyaz' vremen: materialy VII mezhregional'noy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Orthodoxy in the Urals: Proceedings of the 7th Cross-Regional Scientific and Practical Conference]. Ekaterinburg: Ural'skoe tserkovno-istoricheskoe obshchestvo Publ., 2018, pp. 204–218. (in Russ.).

Sukharev Iu. M. *Zakonouchitel' marshala. (K biografii T. P. Andriyevskogo)* [Marshal's Teacher of the God's Law. To the Biography of T. P. Andrievsky]. *Sayt Yuriya Sukhareva* [Website of Yuri Sukharev]. Available at: <https://sukharev-y.ru/sukharev-iu-m-zakonouchitel'-marshala-k-bi/#more-4117> (accessed: 21.06.2024). (in Russ.).

Volyanskaya K. [How a Defrocked and Anti-Religious Man Became a “Classic of Spiritual Prose”]. *Akhilla* [Akhilla]. Available at: <https://ahilla.ru/kak-rasstriga-i-antireligioznik-stal-klassikom-duhovnoj-prozy/> (accessed: 21.06.2024). (in Russ.).

Для цитирования: Созина Е. К. «Архиерей» иеромонаха Тихона (Т. П. Андриевского): от нового религиозного сознания к современной духовной прозе // Уральский исторический вестник. 2025. № 1 (86). С. 6–15. DOI: 10.30759/1728-9718-2025-1(86)-6-15.

For citation: Sozina E. K. “The Bishop” By Hieromonk Tikhon (T. P. Andrievsky): From New Religious Consciousness to Modern Spiritual Prose // Ural Historical Journal, 2025, no. 1(86), pp. 6–15. DOI: 10.30759/1728-9718-2025-1(86)-6-15.